

18+

ПАЛУБА 9

РАССКАЗ

АЛИСА БАСТИАН

Алиса Бастиан

Палуба 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69505006

SelfPub; 2023

Аннотация

Две девушки отправляются в путешествие по маршруту Таллинн – Стокгольм, как и ровно год назад. На пароме с красивым именем «Лидия», созвучным имени одной из них. В каюте с красивым номером на шестой палубе...

Алиса Бастиан

Палуба 9

Лиля еще теплая, но несомненно мертва.

Я прикасаюсь к ее мокрым волосам, потемневшим от воды и неприятным на ощупь. Убираю липкую тонкую прядь ей за ухо. *За что ты так со мной*, думаю я, ощущая бесконечное одиночество, не отнимая рук от ее головы. *Вы оба*. Внезапно Лилина голова под моими ладонями начинает вибрировать. От неожиданности я впиваюсь пальцами в ее череп, с ужасом проваливаясь в какую-то темноту, а потом мелодичная трель вырывает меня из тьмы. В руке зажат мобильник, чудом не треснувший от того, с какой силой я его сжимаю. Будильник трезвонит и вибрирует. На экране почему-то не 9:00, а 9:99. Опять глючит. Простыня подо мной мокрая от пота. Я с облегчением выдыхаю.

Всего лишь кошмар. Мне иногда снятся мои знакомые и родные, и все время с ними случается что-нибудь ужасное. В последние пару недель такие кошмары участились. Сестра думает, это выражение танатофобии, боязни смерти. А я думаю, что мне надо меньше пить.

Лиля, совершенно живая, даже чересчур, заявляется ко мне через час. Мы так договорились, потому что обычно она любит опоздать, а нам это совершенно не нужно: паром точ-

но не будет ждать непутевых пассажиров.

– У меня кое-что новенькое, – говорит Лиля, проводя руками по зеленому свитеру, подчеркивающему изгибы ее совершенного тела. Во мне шевелится какое-то неприятное чувство, но я убеждаю себя, что это вовсе не зависть. Что-то совсем другое.

– Красивый свитер. Сама выбирала? Что-то он мне напоминает...

– Спасибо. Сама. Да, и мне он тоже кое-что напоминает, – улыбается Лиля, но не уточняет.

Кроме свитера, новым у Лили оказывается и рюкзак. Смотря на ее обновки, я чувствую, как к горлу подкатывает тошнота. Меня пугает то, что я не могу найти ей объяснение. Если я отравилась, то наша поездка будет испорчена напроць. Надеюсь, что нет. Немного повздорив по поводу Лилиной одежды (я считаю, что куртка у нее слишком легкая для такой погоды, как сейчас), мы еще раз проверяем рюкзаки, документы, последние мелочи. По очереди идем в туалет, потом я опускаю рулонные шторы. Нам пора выезжать.

У паромного терминала мы оказываемся минут через сорок. Времени остается, как раз чтобы спокойно пройти регистрацию, подняться на борт бело-синей «Лидии», плывущей из Таллинна в Стокгольм, закинуть вещи в каюту и выйти на открытую палубу посмотреть отплытие. Получив ключ-карты и пройдя через турникеты, мы идем по посадочному коридору. Мимо нас с разной скоростью ползут пассажиры с

рюкзаками и тележками. Лиля отпускает какое-то остроумное замечание по поводу одного из них, и я, не сдержавшись, смеюсь во весь голос. Пассажиры оглядываются, смотрят на меня с удивлением и немного настороженно, отворачиваются.

– Какие серьезные, – пихает меня локтем в бок Лиля и улыбается. Я отвечаю ей тем же.

* * *

Каюта чистая, светлая и просторная. На шестой палубе, с красивым номером: 6999. Лиля потрошит свой рюкзак, вытаскивая и раскладывая то, что ей потребуется в ближайшее время, после и утром. Выглядит беспорядочно, но в этом вся Лиля. Не знаю почему, но сегодня я чувствую раздражение, хотя раньше относилась к этому спокойно. Наверное, не выспалась. Все из-за дурацких кошмаров.

Разложившись, мы выходим на открытую палубу, любимся отплытием, прогуливаемся, смотрим на проплывающие мимо корабли и лодки. Вдоволь насмотревшись на вечернее море и продрогнув на ветреной палубе, мы с Лилей заходим обратно в тепло парома. Развлекательные программы в самом разгаре, «Дьюти-фри» с беспощинным алкоголем открыт уже несколько часов, так что тут и там нам встречаются подвыпившие пассажиры, бахвалящиеся чем-то перед кем-то на русском, эстонском, шведском и языке жестов. Еще че-

рез пару часов больше половины паррома будет почти что в отключке. Как говорится, плавали, знаем. Спускаемся на нашу палубу, неспешно направляемся по коридору к своей каюте. Здесь, ниже ресторанной палубы, довольно тихо. Почти никого нет. На полпути вдруг чувствую рядом с собой чье-то проспиртованное дыхание и резко оборачиваюсь.

Вероятно, из одной из кают, оставленных позади, выполз довольно щупленький мужичок в засаленной футболке и совершенно непонятных штанах. Пьяненький, хиленький, с улыбкой на пол-лица.

– Такая симпатичная дамочка, и одна? – В его нетрезвом голосе сквозят искренне удивленные интонации.

Лиля скрещивает руки на груди и с интересом следит за развитием событий. Я повторяю ее жест, надеясь, что никакого развития не последует. И еще надеюсь, что он не прицепится к Лиле. Бочком-бочком, осторожно, глупо полуулыбаясь, чтобы не вызвать вдруг вспышку спиртного гнева, я продвигаюсь мимо него вдоль стены каютного коридора. Впереди – никого. Сзади только Лиля. Щупленький мужичок преграждает мне путь рукой.

– Такая симпатичная дамочка, и одна? – повторяет он слово в слово, будто бы, не дождавшись ответа, решает отправить в точности такой же запрос.

Я кошусь на Лилю, хоть и выглядящую юно, но при желании могущую быть выданной за сестру или подругу, и все-таки отвечаю, одновременно пытаюсь отодвинуть чужую ру-

ку, упершуюся в стену:

– Вообще-то я не одна.

– Ну да, конечно, – ухмыляется придурок.

Я жалею, что на мне нет кольца. Было время, когда я носила его из-за таких вот участившихся случаев. *Замужняя* сразу понижала градус интереса. (Было время, когда я носила его и не из-за этого, а по праву: глупое и счастливое, недолгое и оставившее много воспоминаний время; впрочем, сейчас на мне никаких колец и вообще украшений нет, так что все это не важно.)

– Может, развлечемся?

Прыснув со смеху – настолько умопомрачительно банально и плоско прозвучало это предложение, да и предлагающий не слишком располагал к развлечениям, – я качаю головой, отхожу к Лиле и негромко говорю ей:

– Давай обойдем по другому коридору.

Она согласно кивает, с неприязнью косясь на приставучего пассажира. Но даже сквозь эту неприязнь я улавливаю интерес. Откуда и к чему, думаю я, что тут интересного?

– Давай, золотко, – говорит щупленький. – Я только за. Прогуляемся.

Вообще-то я не к тебе обращаюсь, чуть не вырывается у меня, но я запрещаю себе обращать еще хоть малейшее внимание на этого субъекта.

– Пойдем, Лиля, – чеканю я, беру ее за руку и ухожу в другую сторону.

– Ненормальная! – обиженно кричат мне вслед.

Лиля смеется.

Потом мы идем ужинать. Шведский стол завален горячими и холодными блюдами, и мы с Лилей долго бродим, выбирая себе еду по вкусу. Потом еще раз. И еще. Сразу все попробовать не удастся. Я ем с аппетитом, Лиля как-то вяло ковыряется вилкой в запеченной рыбе с картофелем в сливках. Мне даже кажется, что и ковыряется она скорее для вида. Раньше аппетит у нее был получше. Впрочем, несколько Лилиных тарелок уже опустели, так что, может, она просто наелась. Но хоть убей, не помню, что она брала. Только я открываю рот, чтобы спросить, как мимо нас проплывает забавная официантка, лицом жутко похожая на мопса. Вернее, я не осознаю, на кого она похожа, пока Лиля не перегибается ко мне через стол и довольно громко не говорит про мопса. Я смеюсь, поглядывая на несчастную, потому что Лиля права. Официантка стреляет в нас невежливо убийственным взглядом и собирает посуду с соседнего столика. Отнеся посуду, через минуту подходит к нам. Холодно улыбнувшись, ставит одну тарелку на другую, сверху ставит опустевшую чашку из-под кофе с едва заметным кольцом-ободком сливочной пенки по диаметру внутри, в чашку кладет грязную ложечку, скользит взглядом по столу (решает, есть ли что-нибудь еще, что можно унести прямо сейчас) и уходит. Лилина посуда остается нетронутой, хотя прекрасно видно, что она уже пуста и даже немного ей мешает.

– Почему она не убрала твои тарелки? – возмущаюсь я. – Просто скользнула по тебе взглядом и ушла!

– Я невидимка, – смеется Лиля. – И, по-моему, у нее болит живот, – пожимает она плечами. – Судя по ее лицу. Может, вернется за ними позже.

– Вообще-то положено уносить все с одного столика сразу.

– Да ладно тебе, – улыбается Лиля. – Конечно, на пароме классно работать, но все же официанткой – не очень. Не бери в голову.

На самом деле я думаю, что официантка просто слышала ее слова. Мой смех она точно слышала. Я сама складываю и отодвигаю Лилину посуду, ворча что-то нечленораздельное.

– Как насчет сока и пирожного? – предлагаю я, увидев, как мимо понесли тарелочку с десертами.

Лиля снова улыбается.

– Возьми себе. Я просто посижу.

– Уверена?

– Да, хочу просто посидеть и посмотреть, как ты ешь.

Я пожимаю плечами и продолжаю уминать оплаченный шведский стол. Потом мы, еле передвигая ноги (ладно, Лиля идет нормально), добираемся до нашей каюты и заваливаемся на кровати. Лиля жует жвачку, потом бесцеремонно, словно так и надо, прилепляет ее к столику. Я делаю вид, что меня это не касается. Отдохнув, мы решаем пройтись до ресторанной палубы. В одном из залов как раз начинается концерт. Мы садимся за столик, но ничего не заказываем.

Просто смотрим. От переедания меня начинает клонить в сон. Полумрак и заунывная музыка добавляют эффекта. Когда на сцене вспыхивают прожекторы, я вздрагиваю, выныривая из полудремы, и поворачиваюсь, чтобы сказать Лиле, что я устала и нам пора идти спать.

Но Лили рядом со мной нет.

Я оглядываю зал. Потом еще раз. Ее не видно. Иду в ближайший туалет. Там ее тоже нет. Возвращаюсь в зал – мое место уже занято, и бывшее Лилино тоже. Она не должна была отходить от меня. Такой был уговор. Неужели я отключилась, по-настоящему заснула? И она решила, что может позволить себе такое поведение? Я прохожу всю ресторанный палубу, но Лилию не нахожу. Я возвращаюсь в каюту, и с каждым шагом во мне закипает злость. Я уверена, что Лилия там. Больше ей быть негде. И она просто бросила меня посреди зала, не предупредив.

Когда я подхожу к двери каюты, злость во мне почему-то сворачивается в маленький шипящий клубок и почти затихает. На смену ей приходит какой-то безотчетный страх. В смятении я неправильно засовываю ключ-карту в замок каютной двери. Раз, другой, огонек мигает красным, рука машинально, отдельно от мозга, переворачивает карточку, дверь наконец поддается. Я вваливаюсь в каюту, захлопываю дверь и чувствую, что у меня начинают болеть глаза. Может быть, я даже наполовину ослепла, потому что как иначе объяснить то, что я вижу? Точнее, то, чего не вижу. Ли-

лин фирменный беспорядок – перевернутое постельное белье, скомканная одежда, разбросанные вещи, наполовину вывалившееся содержимое рюкзака, торчащего из-под койки – исчез, оставив после себя ослепительную белизну чистых нетронутых простыней и абсолютно пустого прикроватного столика. С каким-то нездоровым отчаянием я шарю по каюте, но не нахожу никаких следов недавнего Лилюного пребывания – ни розового рюкзака, ни брошенной расчески со светлыми волосами между зубьев, ни даже зеленой жвачки на столике. Ничего.

Лилю похитили и замели все следы, бьется в голове новая мысль, вытесняя первую, спонтанную – *я схожу с ума*.

Я бегу на ресепшен, чтобы они сделали объявление по громкой связи и помогли найти Лилю. Запыхавшись, не успев отдышаться, вываливаю на администратора за стойкой нашу невнятную историю (*были вместе – Лиля пропала – не могу найти – никаких следов – помогите*). Потом приходится повторить все с начала и более внятно. Администратор делает объявление (и Лиля, которая должна, просто обязана это услышать, надеюсь, очень скоро подойдет к ресепшену). Стучит по клавиатуре. Что-то мне говорит.

– Что, простите?

– Дайте, пожалуйста, вашу ключ-карту.

Я машинально лезу в карман джинсов, вытаскиваю карту и кладу ее на стойку. Хочу сконцентрироваться на чем-нибудь, на чем угодно, но не выходит – мысли мечутся, как стая

маленьких рыбок.

– ...больше никого.

– А?

– В вашей каюте зарегистрированы только вы, больше никого.

– Нет, это какая-то ошибка, – начинаю злиться я. Сейчас только документационной путаницы не хватало. – Лиля зарегистрирована со мной.

Уголки губ администратора опускаются, он снова стучит по клавишам. Потом качает головой.

– Простите, но...

– Мы вместе пришли в порт, вместе зарегистрировались и вместе заселились в нашу двухместную каюту, – перебиваю я. – И полвечера мы были вместе. А теперь я не могу ее найти.

– Правда? – почему-то спрашивает администратор, как-то подозрительно на меня косясь. И, видимо, поняв по моему перекосившемуся лицу, что не дождетса ответа на свой идиотский вопрос, добавляет:

– У вас одноместная каюта. Может, вы что-то перепутали?

В голосе звучит искреннее сожаление. Ну да, думаю я. Ты считаешь, что я перебрала и несу бред? Но бред сейчас несешь ты. Именно это я собираюсь сказать, когда администратор поворачивает ко мне монитор, и слова застревают где-то под языком. На экране – мой номер каюты. Мои паспортные данные. Только мои, не Лилины. И сбоку в инфор-

мационной колонке – такие знакомые фотографии моей каюты.

Моей одноместной каюты.

Словно во сне я виновато улыбаюсь, забираю свою ключ-карту и возвращаюсь на свою палубу. Подхожу к своей каюте. Первая шестерка номера на двери перекосилась и съехала, свесилась, превратив каюту в 9999. Спокойствие. Руки не трясутся, поэтому дверь открывается с первой попытки. Все по-прежнему. Мои вещи на своих местах. Сумка – на столике. Куртка – на крючке. Шарф закинут на верхнюю полку. На тумбочке открытый пакет сока, из-за которого мы поспорили с Лилей. Она хотела апельсиновый, а я – томатный. Сок, кстати томатный, хотя мне казалось, что я уступила Лиле. Из-под кровати торчит дьютифришный пакет. Из-под кровати. Одной-единственной.

Наверное, начинается качка, потому что каютный пол вдруг начинает уходить у меня из-под ног. Я хватаюсь за ручку двери в душевую, чтобы не упасть, и дверь открывается. Хотя я еще не мылась, кабинка выглядит как парная, стекло и зеркало запотели, кафель мокрый, на полу валяется скомканное полотенце. Я проветриваю душевую, пытаюсь унять дрожь в ногах и отогнать мысли о том, что надо бросать пить, *сейчас или никогда, уже действительно пора*, и тут в рассеявшейся парной на зеркале проступают четкие буквы. Сердце на секунду сжимается от ужаса, а потом радостно бьется в припадке облегчения: я не сошла с ума. Это

все Лиля. Не знаю, как она это провернула. Но знаю, что это, несомненно, ее почерк, и послание ее столь же несомненно:

Встретимся на верхней палубе!

Я даже не злюсь, хотя Лиля меня изрядно напугала. Наверное, она в сговоре с администратором на ресепшене. Это не удивительно – Лиля умеет убеждать людей. Переведя дух, я решаю подняться наверх. Лифт высаживает меня на восьмой – верхней – палубе, но я вижу лестницу, ведущую еще выше. Видимо, туда можно попасть только так, только через восьмую, потому что кнопки «9» в лифте точно не было.

Девятая палуба – открытая. Я вижу Лилию сквозь стекло раздвижной двери и выхожу к ней. Набираю воздуха в легкие, чтобы разразиться гневной тирадой, но она поворачивает ко мне свое бледное лицо, и я не издаю ни звука.

Я никогда не видела такой ненависти. Лиля смотрит на меня, не отводя взгляда, и холод ее глаз проникает мне в сердце. Хотя, наверное, это просто очень холодно на палубе.

– Давай зайдем внутрь, – громко говорю я, но звучит почему-то испуганный шепот. Я машинально делаю шаг назад. Кажется, мое тело чувствует угрозу, но сознание не понимает почему.

Лиля смеется. На палубе больше никого нет.

– Ты всегда была туповата. И, как в случае с отцом, слепа, – говорит Лиля.

Я хочу залепить ей пощечину, но тело словно парализовало. Я неотрывно смотрю на какую-то зеленую ниточку, тор-

чашую у Лили изо рта. Что это, думаю я, пытаюсь отогнать ненужную мысль, но все равно думаю: что это, что это, что это? Лиля прослеживает мой взгляд, усмехается и начинает тянуть за зеленую нитку. Я засовываю замерзшие руки в карманы пиджака и отвожу глаза. Больше всего мне хочется вернуться в каюту, лечь на чистые простыни и провалиться в сон, а проснуться уже в Стокгольме.

– Боже, да ты так ничего и не поняла? – искренне удивляется Лиля. Я поднимаю глаза. Зеленая нитка исчезла. Зато в глазах Лили появился какой-то задорный огонек. Нездоровый. Мне это не нравится.

– Где ты была? – выдавливаю я из себя. – Я тебя обыскала! Что за идиотские шутки?

– Идиотские? – невозмутимо переспрашивает Лиля. – А над предыдущими моими шутками ты смеялась. Это было очень забавно, – фыркает она. – Смешнее, чем год назад.

– Год назад?

Голову пронзает жуткая боль, как будто меня хорошенько приложили каким-нибудь ломом. Я в ужасе оборачиваюсь, но сзади меня никого нет. Когда я смотрю на Лилю, улыбка исчезает с ее лица. На нем снова только холодная ненависть. Почему-то я чувствую вину.

– Убийца, – говорит Лиля. – Серийная убийца.

– Неправда, – шепчу я, но уже не в силах отогнать воспоминание: я смотрю на скорчившееся тело Лили, с трудом елозящее по мокрому полу душевой, на чересчур яркие по-

теки на стекле кабины, на свое отражение в зеркале над раковиной.

– Неправда, – повторяю я, сейчас и тогда, в ответ на ее взгляд, полный непонимания и обвинения: *убийца*. Захлопываю дверь в душевую, оставляя Лилю, ее кровь и ее обвинения там, отгораживаясь от них, отрекаясь. Прижимаюсь к двери спиной. И на самом деле мне совершенно нечего ей возразить. Потому что она чертовски права.

– Ты бросила меня умирать. – Она делает ко мне шаг. Я инстинктивно делаю шаг назад.

Лиля отлично выглядит, гораздо лучше, чем тогда, когда я видела ее в последний раз. Действительно видела. Ни капли крови, ни синяка, ни царапины. И вся она словно стала легче, светлее. Счастливее.

– А потом бросила меня еще раз. Так же, как и его.

И снова ее шаг вперед, и снова мой назад. Эта резкая головная боль – сколько сейчас может быть времени? Ну конечно, зажигается у меня в голове, когда я смотрю на часы. Видимо, именно в этот момент год назад я ударяюсь головой о железный край держателя шлюпки, пытаюсь подтянуть Лилю за ее свитер повыше. Боль невероятная. Впрочем, мне ли жаловаться, тем более сейчас?

Хотя я вовсе не уверена насчет *сейчас*. Сегодняшний день нелепым трафаретом накладывается на такой же, только год назад.

Девятое сентября. День рождения сестры. Лиля, увязавшая со мной в поездку. Паромный терминал. «Лидия», плывущая по волнам. «Дьюти-фри». Лиля намекает на то, что хочет духи, а я без всяких намеков покупаю подарочные наборы мини-бутылочек со спиртным. Один, другой, третий. Привезу сестре, думаю я, она совсем не выезжает из дома. Но на самом деле не привезу.

Днем все более-менее нормально, но к вечеру настроение у нас обеих портится. Мы ссоримся. К ночи моя злость достигает своего предела. Подарочные наборы потихоньку опустошаются. Лиля возвращается ровно через пять минут после того, как я начинаю закипать. Сколько можно там шляться?! При этом перестав отвечать на звонки. Когда она заваливается в каюту, явно нетрезвая, я складываю руки на груди и смотрю на нее в упор. Взгляд должен быть осуждающим и недовольным, но я чувствую, что он просто усталый. Лиля садится на койку и стягивает с себя кеды, не обращая на меня внимания.

Часа два назад мы сильно повздорили (черт меня дернул сунуться в ее личную жизнь и ее отношения с друзьями) и, обменявшись взаимными оскорблениями, ударились в бойкот. Я высказала Лиле все дерьмо, что накопилось у меня в душе после гибели ее отца. Стало легче. Поигнорировав

меня около десяти минут, Лиля оделась, демонстративно на-
красилась и ушла. Я была так зла, что даже не волновалась за
нее. Потом увидела ее по монитору в каюте – в зале ресторан-
ной палубы, там, где шел концерт и люди за столиками мед-
ленно, но верно напивались на неделю вперед. В общем-то
она была у меня на виду. Я постепенно остывала. Этому по-
способствовали мини-бутылочки водки из «Дьюти-фри». В
какой-то момент я подняла глаза, и Лили на мониторе и в
зале не оказалось. Вот тогда я и заволновалась. Позвонила ей
несколько раз, но трубку она не взяла. Я понятия не имела,
из-за того ли, что мы разругались и она бесится, или ее уже
лапает в углу какой-нибудь пьяный пассажир. Я прошла всю
ресторанную палубу, но Лилю не нашла. Вернулась в каюту
в надежде, что она уже там, и без сил опустилась на пуфик,
обнаружив каюту пустой.

Поэтому, когда пьяная Лиля возвращается, облегчение
смешивается во мне с новым приступом злости и раздраже-
ния. Лиля продолжает меня игнорировать. Судя по ее состо-
янию, она скоро вырубится. Чертова пьянчужка, вся в отца,
думаю я с отвращением.

– Не смей говорить об отце. – Лиля поднимает на меня
тяжелый взгляд, слова чеканит низким альтовым голосом.

Я понимаю, что последнюю мысль высказала вслух. Хочу
что-то сказать, но от следующих Лилиных слов теряю дар
речи.

– Я видела, как он погиб.

Лиля смотрит на меня с вызовом, смешанным с ненавистью. Такого взгляда я у нее еще не видела. Она стягивает с себя свитер, остается в джинсах и белье. Ее аккуратная укладка деформировалась – горло свитера узкое, при снятии он прошелся по волосам и «прилизал» их. Даже не знаю, почему я отмечаю эти детали. Наверное, из-за ее слов. Пытаюсь не концентрироваться на них так сильно.

– Я все знаю.

Мои пальцы впиваются в плечи (я все еще стою с руками на груди) с такой силой, что, вероятно, останутся маленькие синяки. Жутко хочется снова залезть в пакет «Дьюти-фри».

– И я всем расскажу, – добавляет Лиля, и, несмотря на нетрезвость, слова эти звучат на удивление четко, громко и убедительно. Звучат в каюте, а потом повторяются в моей голове – снова, и снова, и снова.

Лиля любит вызванную реакцией и усмехается.

– Давно пора было. Но я даже не знала, что так тебя ненавижу.

– Из-за какой-то ссоры ты смеешь мне такое говорить?

– Не из-за ссоры, – качает головой Лиля. – Из-за всего. Просто все это копилось, копилось... И пришла пора с этим покончить. Может быть, мы могли бы договориться, – помедлив, добавляет она. – Я подумаю. Тут есть над чем подумать, потому что я видела, как ты его столкнула. И ты прекрасно знала, что он не умеет плавать, так же, как и ты.

Я делаю шаг вперед и хватаю Лиллю за горло. Сжимаю ру-

ки, не осознавая, что делаю, но через несколько секунд ее хрипы отрезвляют меня, и я в ужасе отшатываюсь.

– Убийца, – шипит Лиля, и ноги у нее подкашиваются. Все-таки она явно выпила лишнего. Потом она что-то бормочет, снимает джинсы, бросает их на пол и рвется к унитазу, где ее выворачивает наизнанку. От этих звуков меня тоже выворачивает, прямо на ковер каюты. От звуков, ее слов и водки. Теперь все понятно.

– Почему же ты раньше ничего не сказала? – иронизирую я, пытаюсь тоном свести все в шутку, но мы обе знаем: все серьезнее некуда.

– Тогда я осталась бы одна. Бабка бесила меня еще больше, чем ты. А денег давала меньше. Но сейчас мне это уже не страшно. Ты мне больше не нужна. Ты мне не мать. Никто. Ненавижу. Убийца.

У меня просто не было выбора, думаю я, но Лиле не говорю ни слова. Ей не понять.

– Я, конечно, знала, что ты собственница и что твоя главная мечта – выйти замуж, желательно за отца, но что ты настолько долбанутая... – Она закатывает глаза. – Жаль, конечно, что он, тоже долбанько, *утонул*. Вы были бы отличной парой. – Последние слова она произносит уже под шум воды.

Нет, ей не понять. Наглая юная девица, у которой все впереди, просто не в состоянии понять, что когда ты отдаешь все, что у тебя есть, когда столько терпишь все и всех, в том

числе и ее, а об тебя вытирают ноги, трахаясь с какой-то шлюшкой на стороне, и отбирают помолвочное кольцо, заявляя, что все это было ошибкой, выбора тебе действительно не оставляют.

– Почти «Американская трагедия», и конец, наверное, будет такой же, – стреляет Лиля. На последних словах ее снова рвет.

Дверь в ванную приоткрыта, но Лиля этого не замечает. В зеркале на стене я вижу, как она заползает в душ, чтобы смыть с себя этот день. Выдавливает в руку шампунь из дозатора. Намыливает голову. Про меня она, кажется, уже не помнит.

Зря.

Лиля, Лиля. Я бы на ее месте сдала меня давным-давно. Но у нее были свои причины. Долбанутые причины, потому что она, как и ее отец, то еще *долбанько*. Не могу сказать, что мы с ней подружились. Скорее, она как-то ко мне прилипла. Конечно, я могла прекратить наше общение, прекратить встречаться с ней время от времени, таскать на мероприятия, давать ей деньги, но было что-то, что не давало мне это сделать. Думаю, это чувство вины. За смерть ее отца.

Но сейчас никакой вины я не чувствую. Только тихую ярость. Если Лиля вздумала меня шантажировать, то этого не будет. Никогда.

Даже хорошо, что она напилась и высказала мне все. По крайней мере, это многое объясняет. Ее поведение в день

смерти и в день похорон отца. Некоторые ее реакции. Взгляды. Фразы. Тогда я не знала, в чем дело. Теперь знаю. Конечно, злость и спиртное сильно притупили ее инстинкт самосохранения. Будь она трезва, никогда бы не сказала мне правду и не отправилась бы преспокойно после этого в душ. Ведь она знает, на что я способна. Видела.

Вода в душевой все льется, и мне в глотку льется очередной маленький «Абсолют». Нужно решать, и быстро. Конечно, мне еще тогда показалось, что кто-то нас увидел. Но ничего не происходило, и я убедила себя, что никого там и не было. Все-таки я оказалась права.

Наверняка утром она все забудет. Сегодняшний вечер, ее откровения и эту сцену. Но стопроцентной уверенности в этом у меня нет. К тому же самый важный факт – свидетельство – вряд ли выветрится из ее головы, и тогда она нападёт в самый неожиданный момент. Конечно, ей могут и не поверить. Спустя столько времени... Но все те несостыковки, которыми обросло расследование несчастного случая у реки, разом обретут ясность, едва она только укажет на меня. Тогда мне удалось выкрутиться. Снова привлекать к себе внимание я не хочу. И в любом случае я не смогу спокойно жить, зная, что есть кто-то, кто все видел. Лиля – просто бомба замедленного действия. И, если честно, она давно меня раздражает. Начала задолго до того, как я убила ее отца. Маленькая избалованная дрянь. «Абсолют» со мной согласен.

Я беру с полки массивный тяжелый фен. Взвешиваю в руке. Решаю, что пока во мне зажглась искра, надо действовать, нужно разбираться с тем, что волнует меня именно сейчас. В голове шумит. Хочется склониться над унитазом, но я сдерживаюсь. Вид Лили, смывающей с волос шампунь, отвлекает мое внимание. Глаза у нее какие-то остекленевшие. Я шагаю в душевую и наотмашь, со всей силы, бью ее феном по голове. Не задумываясь о том, что я буду делать дальше. Не задумываясь ни о чем. Маленькая пьяная дрянь.

Лиля не вскрикивает, не издает ни звука, но в глазах у нее появляется какая-то сосредоточенность, осознанность, и тогда я бью еще раз. А потом еще. Фен по-настоящему крепкий. Отличного качества. Удобно сидит в руке. Лиле же, судя по всему, наоборот, весьма неудобно. Скрючившись на полу душевой, она медленно тянется руками к голове, из которой течет кровь, устремляясь к сливному отверстию.

Нужно ли ударить еще раз? Или она и так вот-вот умрет? Я откидываю со лба прилипшие волосы, выключаю душ. Наваливается нечеловеческая усталость. Мне нужно отдохнуть. Если нужно будет, продолжу чуть позже. Плохо соображая, я захлопываю дверь душевой. Прислоняюсь к ней спиной, чтобы Лиля, не дай бог, не выползла в каюту, если у нее вдруг хватит на это сил. В груди взрываются ядерные бомбы. В виски словно забивают гвозди.

Когда шок слегка замутняется, становится полуматовым, а сердце, озверевшее от бешеного ритма, сбавляет обороты

(спасибо дыхательным упражнениям, которым меня научила – угадайте, кто? – именно Лиля), я рывком открываю дверь в душевую. Лилия лежит практически в той же позе, только уже не шевелится. Я наклоняюсь к ней, долго нащупываю пульс, прислушиваюсь к дыханию. Лилия еще теплая, но, несомненно, мертва. Ее кровь на стекле кабины уже остыла, но винные лужицы, собравшиеся на полу с подогревом, на ощупь совсем живые. Я зачем-то трогаю одну из них и долго сижу на кафеле рядом с Лилей, смотря на заклеянный мною же палец. По коридору проходит пьяная интернациональная компашка, подавая мне идею. Потом все затихает. Я мою безропотную Лилию, вытираю ее полотенцем, с трудом натягиваю на нее чертовы джинсы-слим и зеленый кашемировый свитер. Теперь она вовсе не похожа на тело, место которому в морге. Пока еще она даже не сильно побледнела. Выглядит так, словно спит. Или перепила, как и добрая треть парома. И мать тащит ее, вырубившуюся, с ночной дискотеки в безопасную каюту отсыпаться. Если кто-нибудь нас увидит, так и подумает. Я достаю из пакета «Дьюти-фри» еще одну мини-бутылочку водки и опустошаю ее, чтобы не заикливаться на том, что будет, если кто-то решит проявить любопытство и поймет, в чем дело.

В полчетвертого каютный коридор на нашей палубе пуст. Кое-где из-за дверей доносятся разговоры, какие-то отдельные всплески слов, но никто не выходит нам навстречу, пока мы ковыляем к выходу на палубу.

Тихая, безветренная, потрясающе спокойная ночь. Но очень холодная. Ледяная. Я не надела пальто, потому что оно громоздкое и мешало бы нам с Лилей тащиться по коридору, так что теперь холод пронизывает меня в буквальном смысле до костей. Они прямо-таки морозно звенят внутри меня. Пальцы превратились в бесчувственные красные куски моего тела, существующие как-то отдельно от меня. Мозг тоже пытается существовать отдельно, но не от холода, а от того, что я наделала. И это хорошо. Паника замерзает в теле, успокаивается, ложится на дно тяжелой льдиной. Лиля тоже вся околела и, будь она хоть чуточку живее, тряслась бы, как отбойный молоток. Но ничто не нарушает нашего медленно-го морозного танца по краю верхней открытой палубы. И никто. В полчетвертого ночи даже пьянь из баров не решилась высунуться на палубную Арктику. На это я и рассчитывала.

Шаг за шагом мы приближаемся к самому удачному, на мой взгляд, месту, с которого Лилия сможет отправиться в последний круиз. И, возможно, отправить меня за решетку. Я знаю, что иду ва-банк.

Место это там, где палубное ограждение образует небольшой, но достаточный для меня зазор рядом с держателем спасательной шлюпки. Именно там выбросить Лилию из жизни мне будет проще всего. В ту же секунду, когда я соби-

раюсь перевести дух от облегчения, что мы почти у цели, льдина паники внутри меня взрывается миллионом острых осколков. Где-то с конца палубы доносится пьяный хохот. Кто-то все же рискнул выйти проветриться. Теперь у меня только два варианта, и решать надо мгновенно: рвануться обратно внутрь или избавиться от Лили, не медля ни секунды. Ноги становятся ватными, усталость накрывает гигантской темной волной. Просто ночной ледяной цунами вселенской, нечеловеческой усталости. Лиля выпадает из моих рук на промерзший палубный пол. Чтобы не упасть самой, я в отчаянии хватаюсь обеими руками за ограждение. Паром, звездное небо и тихая морская гладь начинают сливаться у меня перед глазами в одно мутное, кружащееся пятно. Когда немного отпускает, я понимаю, что мне не хватит сил уйти с Лилей с палубы, может быть, наткнуться в фойе или у кают на кого-нибудь, продолжать разыгрывать этот спектакль. Я просто не могу множить эти секунды, проведенные с Лилей, но уже без нее.

Смех становится ближе, еще немного, и кто-нибудь завернет на эту сторону палубы. Я наклоняюсь, руки машинально стискивают ледяную Лилю, слабые от страха – не могут толком ее поднять, неуправляемые от холода и паники – не могут сделать то, что нужно. Я вцепляюсь в ее кашемировый зеленый свитер, тяну за него, ударяюсь головой о край держателя, стискиваю зубы от боли, пронзившей меня от макушки до самого нутра и обратно. Ударься я чуть сильнее, могла бы

и потерять сознание, думаю я, представляя, как вместо Лили лечу в черную гладь или просто валюсь рядом с ней на палубу. Боль бьет горячим хлыстом, придает сил, стискивает размякшее «я» в пружину, готовую действовать. Эта же пружина добивается того, что тело в заиндевевших джинсах-слим, наверное, намертво примерзших к коже, уже перевешивается через ограждение.

– Еще увидимся, – шепчет Лиля посеревшими губами, прежде чем полететь за борт, навстречу ледяной черной воде, но я знаю, совершенно точно знаю, что мне это померещилось.

Я жду всплеска, который привлечет внимание всех пассажиров и отправит меня в ад, жду, напряженно вслушиваясь, сжимая руками верхнюю перекладину ограждения, не чувствуя этого. Жду, пока не понимаю: Лиля давно и совершенно беззвучно сгинула. Ее тело уже где-то далеко, мы плывем дальше, и я уже не увижу ее, сколько ни всматривайся в воду. Наверное, стук сердца в ушах заглушил момент соприкосновения Лили с черной гладью. Так даже лучше: чертов всплеск не будет преследовать меня, как это произошло с ее отцом.

Губы смерзлись, и я думаю – на таком холоде, так долго и без пальто, так и до воспаления легких недалеко. В тюрьме лечить его вряд ли будут очень тщательно. Но когда я обращаюсь, не вижу никого: смех стих, так и не добравшись до меня, и никто ничего не видел. Успела. Смогла.

Свободна.

Понятия не имею как, но через какое-то время я оказываюсь в каюте. Долго стою под горячим душем. Долго вычищаю душевую, проверяя ее на микроскопические крупницы Лилиной крови. То же делаю со всей каютой. Времени на это уходит немало, но я чувствую прилив сил и, в конце концов, удовлетворение: кажется, я постаралась на славу. Все чисто. И на этот раз без свидетелей. Я собираю Лилины вещи в ее рюкзак, а потом наступает рассвет.

Паромная система поразительно удобна: когда ты заходишь на борт, регистрируешься своей ключ-картой и сканируешь ее при входе. Но когда ты выходишь, тебе не нужно делать ничего. Никто не проверяет, все ли пассажиры, просканировавшие карточку при входе, вышли по прибытии в порт назначения. Лилина карточка, не нуждающаяся в повторном сканировании, видимо, была в заднем кармане ее джинсов, потому что в каюте я ее не нашла, и сгинула вместе с ней в ночных водах где-то между Аландскими островами и Стокгольмом. Лилия не вышла с парома, но никто этого не заметил.

Все эти бесконечные минуты от момента швартовки в порту шведской столицы до момента выхода на берег внутренней съеживаются во мне в колючий комок, пальцы, почти потерявшие чувствительность после отдыха на ночной открытой палубе и отдраивания каюты до утра, напряженно впиваются в лямки рюкзака на плечах, сердце существует

где-то отдельно от меня, я даже не могу понять, бьется ли оно вообще. Каждый шаг по коридору, к выходу, мимо людей, пассажиров и работников, делаю почти наугад, не чувствуя пола, не поднимая от него глаз, чтобы не встретиться ни с кем взглядом. Умоляю себя не бежать. Но и не двигаться подозрительно заторможенно. Умоляю себя выстоять. Смочь. Продвигаюсь дальше.

В Стокгольме солнце. Сегодня распогодилось. Иду по асфальту, не веря своему счастью. Иду как можно дальше от парома. Пока не понимаю, что больше не могу сделать ни шагу. Сажусь на скамейку. Маленький Лилин рюкзачок ставлю рядом с собой. В нем ее шмотки, косметика и телефон, и он навсегда останется в Швеции. Потом придумваю, куда его деть. Люди по улицам в поле зрения спешат по своим делам, заходят в магазины, выходят из машин. Откидываюсь на спинку скамьи, жмурюсь от солнца, подставляю ему лицо. Кажется, во мне взрываются какие-то пузырьки. Наверное, ужаса и паники, думаю я, ведь я убила человека, опять убила, своими собственными руками, и мне снова предстоит трястись, ожидая подозрений, обвинений и заслуженного конца. Но, прислушавшись к себе, понимаю: вовсе нет. Это облегчение на грани с восторгом. Пока никому нет дела. Свобода. Ни капли страха. Страх покрывает коркой льда и запустит в сердце свои холодные щупальца позже. Не сейчас. Сейчас – эйфория.

Для всех Лиля исчезла в Стокгольме. Заявила, что хочет развлечься, пройтись по магазинам, а мое скучающее общество ей совершенно не нужно, и мы разошлись по разным маршрутам. Конечно, договорившись держать связь, не зря же у нас куплены шведские симки. Правда, когда пришло время встретиться в условленном месте, Лиля не появилась и не взяла трубку. Не пришла она и на день рождения моей любимой сестрички, хотя мечтала познакомиться с ее красавцем-сыном, которого она видела на фотографиях. Лично я считаю, что мой племянник заслуживает кого-то получше. Впрочем, сейчас это уже неважно. Потом была полиция и прочие неприятности. Сестра, зная Лилю по моим рассказам, а рассказывала я обычно только самое скверное про эту девчонку, подтвердила, что Лиля вспыльчивая и своенравная натура и вполне могла психануть и отправиться восвояси, и даже ненадолго исчезнуть, чтобы заставить нас поволноваться. Я действительно очень волновалась. Безумно убедительно. Шведы – доверчивые люди. И им не нужны лишние проблемы с расхлебыванием сомнительной и мутной пропажи русской туристки. Тем более когда у них есть еще несколько крупных и важных расследуемых дел. Поэтому, когда выяснилось, что Лиля, сойдя с парома, купила через интернет билет на поезд из Стокгольма в Гетеборг, а от-

туда на автобус до аэропорта Гетеборг-Ландветтер, страсти поутихли. Взбалмошная туристка просто отправилась путешествовать. Трудный переходный возраст. Было тяжело, но, ничего толком не доказав и не опровергнув, ничего не добившись, все мы выходим из этой схватки не победителями, но и не проигравшими. Тело так и не нашли.

Лилин отец мертв, а больше до нее никому и нет дела. Школу она яростно прогуливала. Друзей меняла и предавала так часто, что они на нее обозлились. Парня не было по причине известной всем репутации. Маленькие кусочки головоломки, штрихи к портрету, не важные по отдельности, но сложившиеся в одно целое, встретившись в нужный момент, оказались очень кстати. Через пару месяцев от страха и паники не осталось и следа. Через восемь я почти вычеркиваю произошедшее из души. С ее отцом это случилось через три. Там я и переживала меньше, да и делать почти ничего не пришлось.

Правда, через одиннадцать месяцев вдруг оказалось, что я крепко пью уже пару недель – с Лилиного дня рождения. Всплеск, который я так и не услышала, начал пробиваться ко мне во сне. Будил меня каждую ночь. Это было невыносимо. Спиртное приглушало звук, мягко покачивая меня на волнах, словно в каюте, и это превратилось в замкнутый круг. Так что к тому моменту, как я снова отправляюсь на день рождения (*снова проклятое 9.09*) дорогой сестры, я уже плохо понимаю, что происходит. Дежавю накладывается на де-

жавю. Погода снова холодная. Лиля опять скандалит, не хочет надевать теплую куртку, кричит, что папа бы ей разрешил, бесится, когда я говорю, что тогда он был бы идиотом, а она получила бы пневмонию. Странное ощущение, что все это уже было. На Лиле какой-то знакомый зеленый свитер, и, хотя я к нему еще не прикасалась, подушечки пальцев знают, что он кашемировый. А сетчатка знает, что новый рюкзак, который сияющая Лиля достает из пакета, чтобы похвастаться покупкой, будет розовым. С самого утра мне неуютно в собственном теле. Когда Лиля уходит в туалет (он у меня совмещенный с ванной), я достаю из тумбочки бутылку и выпиваю почти треть. Лиля кричит, что мне надо меньше пить. Откуда она знает, думаю я, выпивая еще треть, пока она причесывается перед зеркалом над раковиной. Вижу, как ее отражение мне улыбается. *Еще увидимся*, пишет она пальцем на почему-то запотевшем стекле, и когда я хмурюсь, пытаюсь это понять, стирает буквы движением ладони и забавно смеется. Смех у нее похож на отцовский. Нам пора выезжать, наша «Лидия» отплывает через два часа. Перед выходом из квартиры я опускаю рулонные шторы, тяну цепочку, пока полотно не достигает низа окна. Почему-то чувствую, что руки стали мокрыми.

* * *

– Видела бы ты свое лицо, – говорит кто-то, когда я об-

наруживаю, что все еще стою на верхней палубе, а передо мной Лиля, изо рта которой я тяну и тяну длинные тягучие водоросли, никак не заканчивающиеся, в отличие от рулонных штор. – Прости, что оторвала тебя от воспоминаний, но у нас есть незаконченное дело.

Я в ужасе отшатываюсь, пытаюсь стряхнуть с рук зеленую слизь, начинаю пятиться, боясь выпустить Лилю из вида. Где-то раздается пьяный смех, и я хочу крикнуть, позвать на помощь, какой бы она ни была, но в этот же момент поскользываюсь на скользкой жиже под ногами, натекшей с Лили и подкравшейся ко мне, и впечатываюсь спиной в корпус парома. Лилия усмехается.

Я улавливаю краем глаза что-то, что вцепляется в горло невидимой хваткой. Что-то, чего никак быть не может. Прямо там, на белоснежном корпусе парома, синей краской, подсвеченной в темноте фонарем и оттого еще сильнее бьющей по глазам, написано одно-единственное слово.

Lilia,

вижу я большие синие буквы, и не могу в них поверить.

LILIA,

огромным рубленым шрифтом отпечатывается у меня на сетчатке. Это невозможно, думаю я. «Лилии» не существует. Существует «Лидия». И сейчас я на «Лидии».

Но четче некуда видно, что это совсем не *LIDIA*.

«Лилии» не существует. Лили, после нашей совместной поездки год назад, тоже. И тем не менее они обе сейчас пе-

редо мной. Я вспоминаю, как странно на меня смотрели пассажиры в посадочном коридоре, когда я рассмеялась Лилиной шутке. То же было с официанткой на ужине.

«Красивый свитер. Сама выбирала? Что-то он мне напоминает...»

(спасибо, сама, да, и мне он тоже кое-что напоминает)

«Такая симпатичная дамочка, и одна? – Вообще-то, я не одна»

(ну да, конечно, ухмыляется щупленький)

«Давай обойдем по другому коридору»

(давай, золотко, я только за! – пойдём, Лилия. – ненормальная!)

«Просто скользнула по тебе взглядом и ушла!»

(я невидимка, смеется Лилия)

«Да, хочу просто посидеть, посмотреть, как ты ешь»

(ни о чем не догадываясь)

«Дайте, пожалуйста, вашу ключ-карту»

(у вас одноместная каюта, одноместная каюта, одноместная)

ВСТРЕТИМСЯ НА ВЕРХНЕЙ ПАЛУБЕ!

– Кто ты? – говорю я мгновенно замерзшими губами. На открытой палубе внезапно стало так холодно, что я невольно вспоминаю *тот* день, ледяной и темный. По правде говоря, я его никогда и не забывала.

– А то ты не знаешь, – отвечает призрак Лили, потому что это именно он. Дерзкий, чужеродный и такой *живой*. Жаж-

душий мщения. Я прочитала достаточно ужастиков, чтобы это понять, но недостаточно, чтобы в это поверить. И тем не менее.

А потом Лиля, светлая, легкая Лиля, которая ниже меня сантиметров на двадцать и слабее раза в два, с такой силой толкает меня к поручню ограждения, что я отшатываюсь даже скорее от изумления. Впрочем, от чего бы ни было – сейчас я в опасной близости от того, что Лиля хочет сделать. Полагаю, то же, что сделала с ней я. Только вот свалиться за борт, в ледяную, бурлящую от паромных винтов воду живьем гораздо менее милосердно, чем перед этим получить освобождающий удар феном. Ну, парочку ударов. Неважно.

Поняв, что хрупкость Лили сейчас обманчива, я собираю все силы, отталкиваюсь от поручня и бросаюсь на нее, собираясь буквально протаранить, а заодно оказаться подальше от края палубы, но собранные силы, приложенные к холодной стали поручня, отбрасывают меня на пол. Лиля за моей спиной смеется. Осознав, что произошло, я отказываюсь в это поверить. Разум начинает заволакивать какой-то дымчатой пеленой. Липкие водоросли, появившиеся на моих ладонях, меня отрезвляют. И ладони, и я сама прошла сквозь Лилю. Конечно, она же призрак. Чертово привидение. Мертвая сучка. Я не могу ее коснуться.

И в то же время она отлично может не только коснуться *меня*, но и подтащить за волосы к краю – снова к краю – палубы. Я пытаюсь отцепить ее руки, высвободиться, рва-

нуться прочь, но ее хватка крепка так же, как крепко было мое убеждение в том, что я никогда больше ее не увижу. Может, даже крепче. Я уже на самом краю, вокруг – никого, только ночь, тишина, холод и плеск волн. И Лилено лицо перед глазами – бледное, тонкое, красивое. Мертвое и такое живое. Я вцепляюсь в поручень и уже практически ликую – чувствую, что из этого положения я смогу увернуться и освободиться! – но ликование длится меньше секунды. Потом я ощущаю, что лечу, словно в замедленной съемке, к плескающейся черноте, несущей мне смерть. Плавать я не умею совершенно. Так же, как и Лилин отец.

Даже ничего не сказала на прощание, медленно прокручивается в моей голове, пока сознание отсчитывает палубы сверху вниз, словно наклеенные на длинную, бесконечно длинную негативную пленку, часами тянущуюся у меня перед глазами. Наконец я чувствую удар – спина поздоровалась с гладью воды и явно возмутила ее спокойствие, – жуткую сковывающую боль во всем теле и острые рыбы плавники, начинающие рассекать по легким. Боль взрывается перед глазами не искрами, как это иногда бывало, а тысячей крошечных мальков, рассыпанных в толще воды, вертких, быстрых, холодных. Они равнодушно смотрят на меня своими малюсенькими глазками и скользят дальше. Боль бесконечна, и поэтому я успеваю их рассмотреть. Всех из тысячи. Каждого. Вода, мальки и боль сливаются в одно целое, расползающееся у меня внутри на месте, где когда-то были мои

легкие.

*Господи, помоги мне, господи, пожалуйста,
у-м-о-л-я-ю,*

мечется у меня в голове, хотя я прекрасно знаю, что никакого бога нет, а если бы и был, не стал бы помогать убийце двух человек. Я зажмуриваюсь изо всех сил, стискиваю зубы, прикусываю язык, пытаюсь подняться к поверхности, но это заранее обречено на провал. Было обречено с первой секунды моей встречи с водой. Волны крупные и сильные. Я чувствую, что наконец теряю сознание. Наконец – потому что нет сил больше терпеть эту боль. А еще у меня есть слабая, но все-таки надежда, что мне все это снится.

Когда я открываю глаза, вижу Лилю. Лицо ее умиротворенно. Не знаю как, но я снова на пароме. Идет сильный дождь. Лиля с улыбкой протягивает ко мне руки. Увернувшись, я поскользываюсь на мокрой палубе, удерживаю равновесие, вбегаю в тепло сухого парома, застываю у лифта. *Спасибо, Господи, спасибо, спасибо, спасибо.* А сейчас мне нужна помощь. Иначе я не справлюсь. Срочно. На стене висит простенький кнопочный телефон – внутренняя связь парома, как в гостинице. Номер ресепшена – 999. Я не глядя три раза тыкаю в кнопку, неотрывно следя за дверью на открытую палубу, ожидая, что Лиля вот-вот ворвется, но вижу только, как хлещет дождь, стуча по стеклу двери. В трубке раздается щелчок. Меня готовы выслушать!

– Помогите, – говорю я, задыхаясь, чувствуя на губах мор-

скую соль. – Мне угрожают. На меня напали!

– Как вас зовут? Где вы находитесь? – Голос девушки с ресепшена приобретает явный оттенок беспокойства. *Ну почему в мою смену*, наверное, думает она, *и почему посреди ночи*, но мне плевать.

Я называюсь, еле ворочая языком. Почему-то мне становится ощутимо сложно дышать.

– На девятой.

– Простите?

Я проклиная глухую девку и повторяю. В легких что-то царапается острыми коготками. Пахнет морем. В кармане пиджака я нащупываю горсть соли.

– Вы можете сказать, на какой палубе вы находитесь? – не понимает или не хочет понять глупая девчонка.

– На девятой! На девятой палубе, у лифтов! – реву я в отчаянии, потому что чувствую, как кеды наполняются водой. Наверное, надо бежать, но я не могу пошевелиться. Не могу отпустить телефонную трубку и отвести взгляд от мокрой двери на палубу. Она медленно отъезжает в сторону, и дождь врывается внутрь парома.

– На нашем пароме всего восемь палуб, – отвечает мне ресепшен, и я захлебываюсь водой. – Пожалуйста, уточните ваше местонахождение, чтобы мы могли выслать помощь.

Я беспомощно открываю рот, из которого не доносится ни звука – только водопадом льется соленая морская вода. Кажется, я плачу. Нет, не кажется. Точно. Течет из носа. Рука

не выпускает трубку, хотя я и пытаюсь разжать пальцы.

– Впрочем, пассажирам с девятой палубы помощь не оказывается. Она им уже не нужна, – слышу я перед тем, как море начинает течь из моих ушей. – Так же, как и человеку за бортом, – доносится до меня сквозь шум океана и ватный гул хриплый, счастливый тембр.

Последнее, что я успеваю понять – трубка говорит Лилиным голосом.